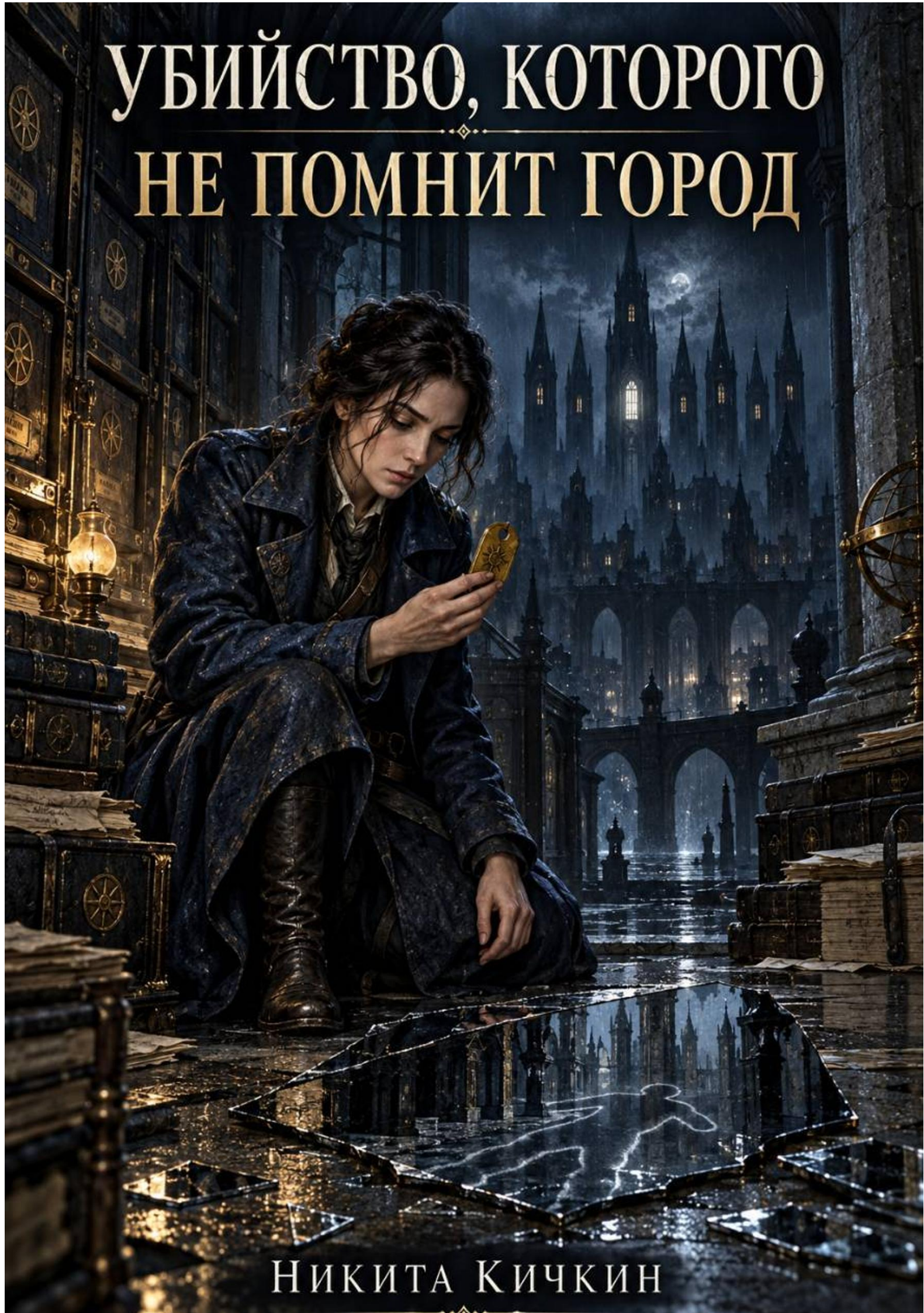

УБИЙСТВО, КОТОРОГО НЕ ПОМНИТ ГОРОД

НИКИТА КИЧКИН

Никита Кичкин

**Убийство, которого
не помнит город**

«Автор»

2026

Кичкин Н.

Убийство, которого не помнит город / Н. Кичкин — «Автор»,
2026

Инспектор Ива Ресс приходит в королевский архив на встречу со свидетелем. Очнувшись, она обнаруживает его мёртвым, орудие убийства — в своей руке, а на ладони — записку: «Не верь напарнику». Последние полчаса исчезли из памяти Ивы и жителей целого квартала. След ведёт к голосовым пластинам, домам людей, вернувшихся из зеркал, и документам, в которых живых объявляли мёртвыми. Чтобы найти убийцу, Иве придётся доказать случившееся без воспоминаний свидетелей.

© Кичкин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тридцать пропавших минут	5
Глава 2. Место для имени	6
Глава 3. Записка под столом	7
Глава 4. Голос, которого не было	9
Глава 5. Дом на Речной	11
Глава 6. Вторая сторона алиби	12
Глава 7. Отпечаток исчезнувшего листа	14
Глава 8. Судья закрытых дел	15
Глава 9. Девочка из Дома помощи	16
Глава 10. Человек, которому не верят бумаги	17
Глава 11. Чёрное стекло и белая ложь	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Никита Кичкин

Убийство, которого не помнит город

Глава 1. Тридцать пропавших минут

Я очнулась с ножом в руке возле человека, которого не знала. На самом деле это было шило для переплётного стекла: тонкое, с медной рукоятью. Его острие было в крови. Человек лежал на полу архива, а на его серой рубашке темнело пятно. По тёплой коже на запястье я поняла, что он умер недавно.

В башнях пробило десять. Я посмотрела на карманные часы: ровно десять. Последнее, что помнила, — как вошла в здание в половине десятого и спросила у ночного сторожа дорогу в седьмую комнату. Между этими двумя моментами зияла пустота.

На тыльной стороне моей ладони было написано: «Не верь напарнику». Чернила успели подсохнуть. Почерк мой. Слово «напарнику» я перечеркнула дважды, словно боялась, что оно исчезнет.

— Инспектор? — донеслось из коридора.

Я положила шило на пол и показала пустые руки. В дверях стоял сторож в форменном плаще. Он заглянул в комнату, увидел тело и побелел.

— Не входите, — сказала я. — Позовите врача. И никого не выпускайте из здания.

— Кто это?

Я посмотрела на мужчину. Лет сорок пять, тонкие пальцы, мозоль от пера на среднем. На воротнике значок королевского архива. На столе лежала открытая книга с пустой строкой там, где должно было быть его имя. Я открыла рот и поняла, что не могу вспомнить, зачем пришла к нему.

— Пока не знаю, — ответила я.

Сторож побежал вниз. Я подошла к окну. Стёкла были закрыты изнутри, свинцовая рама не повреждена. Единственная дверь защёлкивалась при ночном запираании ровно в десять; до того в неё можно было войти по медному жетону. Я заглянула за стол, под стол, в тень шкафа. Никого. На полу между телом и дверью лежали три капли воды. За окном шёл дождь, но подоконник оставался сухим.

Я проверила собственные рукава. На правом была пыль чёрного стекла. На левом — надорванная нить от чужого плаща. Я вынула блокнот. Последняя запись датировалась девятью сорока одной: «Г. Л. покажет второй список. Сначала спросить о доме на Речной». Потом след от сильного нажима пера, как будто я писала на вырванном листе.

Г. Л. Я снова посмотрела на мёртвого. Имя не пришло.

Из коридора донёсся чей-то крик. Я поспешила к двери и увидела в конце галереи человека, который шёл к выходу, держась за стены. Он пытался спросить, где находится. Сторож схватил его за плечи. Оба выглядели так, будто внезапно проснулись посреди чужого сна.

На улице слышались голоса. Люди стояли под дождём и спорили о том, почему оказались не там, куда шли. Женщина держала пирог, не помня, у кого его купила. Извозчик искал пассажира, хотя карета была пуста. Колокол ударил ещё раз, и я заметила белёсую пыль на бронзовом языке.

Кто-то украл у квартала полчаса. А внутри этих тридцати минут убил человека, к которому я пришла за ответами.

Глава 2. Место для имени

Начальник следственной палаты Макс Белен прибыл раньше лекаря. Обычно он появлялся после того, как ему успевали принести сухую сводку и горячий кофе. Сегодня пришёл под дождём, без зонта, будто уже знал, где искать меня.

— Ива, — сказал он, увидев шило на полу. — Надеюсь, у тебя есть объяснение.

— Нет. Зато есть десять минут, которые могу восстановить по следам.

Он поднял брови. Нам обоим было за тридцать; я работала с ним семь лет, когда-то считала его человеком, который никогда не бросит дело ради удобного ответа. На ладони у меня было написано обратное. Я спрятала руку в рукав.

— Тебя видели входящей, — сказал Макс. — Дверь в комнату закрылась изнутри. Ты внутри с телом и орудием убийства. Я должен отстранить тебя.

— Должен. Но сначала зафиксируй время смерти и пыль у колокола.

— Время назовёт врач. Колоколом займётся стража.

Он велел двум людям охранять меня в соседней комнате. Перед уходом бросил взгляд на книгу с пустой строкой. Лицо осталось спокойным. Слишком спокойным для начальника, у которого в архиве убили неизвестного чиновника.

Врач Нэрина ученица, молодая женщина по имени Софья, прибыла с саквояжем. Она осмотрела тело и сказала, что человек умер до десяти. В лёгких не было чёрной пыли, осевшей на всех, кто дышал после удара башни. Я попросила повторить при Максе. Он записал, не подняв глаз.

— Пыль похожа на остатки старых зеркал, — сказала Софья. — После закрытия разрыва их хранят под замком. Если измельчить и рассеять, человек может потерять последние минуты. Врачебные случаи были, но не на такой площади.

— Это не клятва? — спросила я.

— Нет. Отравление. Самое обыкновенное преступление, если забыть, что яд здесь — память.

Это было важное различие. Год назад город изменил закон о магических договорах. Скрытая цена перестала иметь силу. Но осколки старых печатей никуда не исчезли. Их можно было употребить, как можно использовать нож после запрета убийств.

Софья нашла на пальце погибшего прозрачную полоску с глубоким порезом. Он держал что-то, что вырвали перед смертью. На рубашке, возле кармана, было два отверстия от булавок. Значок архива висел ровно, значит, сорвали второй знак. Я записала всё в новый блокнот. Страницы прошлого остались при мне, хотя Макс требовал их как возможные улики.

— Ты ведь не доверяешь мне, — сказал он в коридоре.

Я посмотрела на сухой край его воротника. Он говорил, что пришёл под дождём, но плащ промок только снаружи, как вещь, накинутаая перед входом.

— Я не доверяю собственным пропавшим минутам, — ответила я. — Пока этого достаточно.

К утру установили имя погибшего по личному делу. Герман Лют, хранитель свидетельских списков. Я прочла имя и вспомнила, что оно стояло в письме, полученном вчера. Самого письма в кармане не было. В книге посещений архивные служащие расписались, что видели его утром. Теперь трое утверждали, будто не могут представить его лицо. Один из них плакал от этого сильнее, чем от смерти.

Никто не знал, сколько памяти забрала пыль. Но пустая строка в книге была сделана задолго до колокола: бумагу выскоблили острым ножом. Герман хотел показать мне второй список. Кто-то заранее готовился лишить его имени.

Глава 3. Записка под столом

Меня отпустили домой под надзор до полудня. Макс рассчитывал, что я послушно дождусь официального допроса. Вместо этого я вывернула карманы и выстучала каждый шов плаща. Пыль из правого рукава собрала в конверт. В подкладке нашла мокрый уголок бумаги. Кто-то разорвал записку, но часть осталась застрявшей под ниткой.

«...не доверяй человеку с медным жетоном. Второй список...»

Почерк был Германа. Подпись отсутствовала. Я разложила бумагу на подоконнике и подумала о стороже: жетон был у всех, кто работал ночью. У Макса — служебный знак палаты. У меня — временный архивный допуск. «Человек с медным жетоном» сужал круг меньше, чем хотелось.

В дверь постучал Дан Корн. В прошлые годы мы встречались на местах происшествий: он восстанавливал разбитое стекло, находил скрытые напряжения, отличал старую трещину от свежей. Не любил, когда его называли магом. «Я мастер. Магия просто портит мне инструменты», — говорил он. Сегодня в руках у него был ящик с защитной крышкой.

— Макс послал? — спросила я.

— Софья. Она сказала, у тебя на рукаве пыль, а ты ещё жива. Хотела убедиться, что ты не собираешься нюхать её ради воспоминаний.

— Собиралась.

Он остановился посреди комнаты.

— Тогда хорошо, что пришёл. Второе дыхание не возвращает первое. Только забирает ещё.

Дан был на три года старше меня, с шрамом на подбородке и привычкой смотреть не на человека, а на место, где тот может споткнуться. В первую зиму после закрытия печатей он починил мне окно, которое я разбила, преследуя мошенника. С тех пор иногда приносил кофе и ни разу не спрашивал, когда я отвечу на незаданный вопрос.

Он поднёс конверт к лампе.

— Это пыль не из городских зеркал. У неё синие вкрапления. Такое стекло делали только для голосовых пластинок в архиве. Если его измельчить, оно заберёт воспоминания о том, что человек слышал после последнего звона.

— Почему после?

— Пластина записывает голос, привязывая его к времени. Разбитая начинает вырезать кусок вокруг звука. Точный период зависит от толщины.

Я вспомнила удар башни. Кто-то выбрал пыль, потому что знал, сколько минут она съест. Это был инструмент для алиби.

— Ты можешь узнать пластину? — спросила я.

— По осколку. Нужен крупнее.

Я показала ему уголок записки и имя Германа. Дан нахмурился.

— Вчера этот человек приходил ко мне. Просил проверить маленький прозрачный лист с записью. Голос на нём произносил одно предложение: «После десяти я останусь здесь один». Я сказал, что запись старая. Лист сделали в полдень.

— Он оставил его?

— Забрал. Сказал, что использует, чтобы поймать того, кто подменяет свидетельства.

На полу комнаты лежала кровь человека, умершего до десяти. После десяти сторож слышал его голос. Я уже знала, как убийца создал ложное время смерти. Осталось понять, кто украл запись у Германа и зачем ему понадобился городской колокол.

Дан собрал ящик.

— Пойдём в мастерскую. Покажу, как отличить оригинал от копии. Ива, прежде чем скажешь нет: Макс приказал изъять у меня все архивные пластины. Если ждать утра, я уже ничем не помогу.

Я взяла плащ. За окном город ругался с собственными воспоминаниями. У меня было меньше суток, прежде чем Макс решит, что удобнее закрыть дело на меня.

Глава 4. Голос, которого не было

Мастерская Дана стояла у канала. На полках лежали прозрачные диски, похожие на тонкие ледяные луны. Он выбрал два и положил между нами. На первом женский голос прочёл короткую строку из расписания. На втором та же строка звучала чуть громче, без паузы перед последним словом.

— Какой поддельный? — спросил он.

— Второй. Слишком гладкий.

— Оба настоящие. Она читала дважды. Копию я отличаю не по голосу, а по краю. При переносе остаётся крошечный шов.

Я наклонилась. На втором диске действительно виднелась линия, тоньше волоса. Дан дал мне лупу и не комментировал мою ошибку. За это я была благодарна больше, чем за урок.

— Голос Германа после десяти мог идти с пластины, — сказала я. — Сторож слышал человека, но не видел.

— Копию включили в звон башни. Часть звука через трубы слышна в здании. Остальную заглушил колокол.

— Ты сам строил эти трубы?

Дан не сразу ответил.

— Помогал восстанавливать после затмения. Планы есть у Мирабель в архиве. И у каждого, кто ремонтировал башни.

Это означало, что он тоже мог устроить всё. Письмо на ладони предупреждало не верить напарнику. Дан не был моим официальным напарником, но на каждом сложном деле появлялся рядом. Я спрятала эту мысль, как неприятную улику: не выбрасывать, пока не проверила.

Он увидел мой взгляд.

— Хочешь спросить, где я был в десять?

— Да.

— Здесь. Один. Хорошее алиби, если мне позволят его не доказывать.

Я оценила честность. Она ничего не доказывала и потому была редкой.

В мастерскую пришла Мирабель, руководительница королевского архива. Два года назад она вышла из зеркала вместе с другими забытыми; с тех пор у неё было право на любую дверь в здании, но она предпочитала стучать. На ней был простой серый плащ, волосы намокли под дождём.

— Герман готовил список домов, — сказала она без приветствия. — Одиннадцать адресов, которые должны были вернуть людям после освобождения. По документам дома продали ещё до их возвращения. Он хотел узнать, кто подписал продажи.

— Вы знали о встрече со мной?

— Я дала ему ваш адрес. Он говорил, что не доверяет ни суду, ни собственной канцелярии. Теперь понимаю почему.

Мирабель положила на стол половину листа. На нём было шесть адресов, остальное оторвано. Внизу стояла печать Дома помощи — благотворительного учреждения для вернувшихся. Домом руководила Валлия Норд. О ней писали хорошие вещи: открыла приют, кормила людей, не спрашивая, кого те помнят. Я знала её по городским собраниям. Она смотрела прямо, говорила мало и редко обещала невозможное.

— Подписи на продажах её? — спросила я.

— Часть. Одна принадлежит судье Далю. Другая — вашему начальнику.

Я подняла глаза. Мирабель не отвела взгляда.

— Макс Белен заверил одну из сделок как свидетель, — сказала она. — До того, как вы начали с ним работать.

На ладони зачесались подсохшие чернила. Я наконец поняла, к кому могла относиться записка. Но знание о старой подписи ещё не делало Макса убийцей. Хороший детектив не превращает подозрение в приговор, как бы приятно это ни было.

Глава 5. Дом на Речной

Речной дом стоял у воды, где пахло мокрым деревом и углём. На воротах висела новая табличка Дома помощи, внутри за длинным столом ели люди, вернувшиеся из зеркал. Валлия Норд разливала суп сама. Она увидела меня и сразу поняла, что пришла не благодарить.

— Герман мёртв, — сказала она, когда мы остались в её кабинете. — Мне сообщили утром.

— Вы знали его?

— Он приносил бумаги. Хотел выгнать отсюда людей из-за чужих претензий на землю.

— Люди имеют право вернуть свой дом.

— Конечно. А эти люди имеют право на крышу, пока суд разбирается. — Валлия не повысила голос. — Одно право не должно становиться дверью на улицу для другого.

В этом она была права. Я записала без оговорки. На стене висели списки расходов: хлеб, дрова, лекарства. Рядом — карта одиннадцати адресов. Если продажи были незаконными, Дом помощи мог лишиться половины помещений. Но это не делало преступление необходимым.

— Где вы были вчера с девяти до десяти? — спросила я.

— Здесь. Счётная книга закрыта в девять сорок восемь, потом я спустилась в кухню. Спросите повара.

— Колокол лишил людей памяти о последующих минутах.

— Кухня осталась. Там сорок пустых мисок и пригоревший котёл. Вы можете узнать по еде, когда мы ели.

Она говорила как человек, который привык доказывать нужное вещами, а не словами. Это мне нравилось и настораживало.

Повар подтвердил, что видел Валлию у котла незадолго до колокола, но точного времени не помнил. На стене часы остановились в девять пятьдесят три: вода попала в механизм. Была и квитанция на доставку дров, подписанная ею в девять пятьдесят пять. Чернила выглядели свежими, бумага — мокрой по краю. Я забрала копию.

На выходе встретила мальчика лет двенадцати с книгой под мышкой. Он спросил, посадят ли Валлию. Я ответила, что расследую убийство, а не милосердие. Он сказал: «Она научила меня читать своё имя, когда я вернулся и не мог». Я не стала уверять его, что всё будет хорошо.

У ворот Дан заметил на колесе телеги белый налёт. Не соль: порошок цеплялся к стеклянной лупе. Он собрал немного в пакет. Валлия видела нас из окна. Её лицо оставалось спокойным.

— Пыль из башни? — спросила я.

— Не обязательно. Здесь ремонтировали зеркала для лечебных комнат. Проверю.

По дороге в палату мы зашли на Речной рынок. Торговец углём рассказал, что телега Дома помощи выезжала вечером. На вопрос о времени он поднял плечи: до колокола, после дождя. У него не было причин лгать, но память и так была плохим свидетелем. Я записала следы колёс в грязи. Один обод оставлял двойную насечку. Она могла привести нас туда, куда не привели часы.

Глава 6. Вторая сторона алиби

Софья закончила осмотр тела. Герман умер между девятью сорока и девятью пятьюдесятью. Лезвие вошло точно между рёбрами; нападавший знал, куда бить, или ему повезло. На пальцах погибшего — частицы синего переплётного стекла. Под ногтём — волокно зелёной шерсти. На ладони порез от листа с острым краем.

— Ты веришь, что меня можно исключить? — спросила я.

— В девять сорок одну ты ещё писала. Если он умер через пять минут, ты могла быть рядом. Но у тебя нет пореза на руках, а шило было взято из комнаты. Меня беспокоит другое: ты держала его после смерти. Не до.

— Почему?

— Кровь на твоём пальце поверх пыли. Пыль осела после звона. Значит, шило ты подняла уже после десяти, когда очнулась. Это не орудие в твоей руке во время удара.

Я впервые за сутки выдохнула полностью. Снятие одного подозрения оставляло десяток других, но собственное тело перестало быть чужой уликой.

Макс вошёл без стука. Софья показала ему заключение. Он прочёл и сжал губы.

— Следствие продолжается, — сказал он. — Ива, ты пока вне службы. Ни одного допроса без моего разрешения.

— Тогда почему ты забрал первый лист из моего блокнота?

Он замер. Я не знала, забирал ли. Проверяла реакцию. Она стояла больше ответа.

— Что было на листе?

— Пока не знаю. Но ты пришёл в архив слишком быстро. Герман готовил показания о домах, одну сделку заверил ты. Мне нужна твоя версия.

Макс посмотрел на Софью. Она демонстративно продолжала собирать инструменты, но никуда не ушла.

— Сделку я заверил десять лет назад. Тогда никто не знал, что люди вернутся из зеркал. Суд признал прежних владельцев умершими. Это было жестоко, но законно по тем правилам.

— А сейчас?

— Сейчас суд пересматривает дела. Я не скрывал подпись.

— Не говорил о ней тоже.

— Я не обязан перечислять тебе каждую ошибку прошлого, когда ты стоишь над трупом с шилом.

Он ушёл. Софья подняла глаза.

— Ты блефовала с листом?

— Да. Он спросил, что было написано, а не отрицал. Значит, видел его или знает, кто взял.

Софья велела мне не принимать головную боль за доказательство. После стеклянной пыли память может возвращаться кусками, а может заполнять пустоты выдумкой. Я согласилась и переписала в блокнот только то, что проверила физически.

Вечером Дан принёс результат анализа порошка с колеса. Это был обычный стекольный песок с примесью синего красителя. В архивных пластинах использовали такую же смесь, но в другом соотношении. Телега Валлии могла приехать откуда угодно. Неприятное для моей подозрительности открытие тоже было уликой: похожесть не равна тождеству.

Мы сидели у меня на кухне. Дан развернул план архивных труб. От седьмой комнаты к башне шёл канал для голоса. На плане возле него стояла дверца обслуживания, которую давно считали заколоченной.

— Кто может её открыть? — спросила я.

— Любой с тонким инструментом. Но войти через неё нельзя, она шириной с ладонь.

— А передать пластину?

— Легко.

Я вспомнила три капли воды у двери. Убийца не обязан был оставаться в комнате до запи-
рания. Ему достаточно было уйти раньше, а потом через канал включить голос и дожждаться,
когда колокол сотрёт свидетелям время.

Дан сложил план. Между нами повисло слово «напарник». Я не сказала его вслух. Он
заметил, что я снова прячу ладонь в рукав, и встал.

— Когда захочешь спросить меня прямо, я отвечу, — сказал он. — У меня нет твоих
пропавших минут. Но есть мои собственные, и я не собираюсь продавать их тебе как алиби.

Он ушёл, оставив план и нетронутый чай. Я осталась с человеком, которого вроде бы
знала, и запиской, запрещающей ему верить.

Глава 7. Отпечаток исчезнувшего листа

Утром я разложила блокнот на кухонном столе и сняла верхний чистый лист. После письма перо оставляет в бумаге вмятину, даже если страницу вырвать. Я посыпала поверхность графитовой пылью, мягко растёрла ватой и увидела строки, написанные на исчезнувшем листе.

«9:43. Герман боится не Валлии. Говорит, человек, которого он увидел в комнате, уже числится мёртвым. Просит проверить портреты. 9:46. В коридоре Макс? Не подходить одной».

Последнее слово размыто нажимом. Я не знала, действительно ли видела Макса. Знак вопроса был моим собственным сомнением. Но человек, числящийся мёртвым, менял направление расследования. Одиннадцать домов продали после того, как владельцев признали умершими. Кто-то из них вернулся, и теперь бумага утверждала, что его не существует.

Я понесла копию в палату регистрации. Том Верн, бывший молодой писец из дела о печатях, теперь ведал открытыми списками. Он узнал меня по прошлогоднему делу и сразу предложил чистый стол. Ему исполнился двадцать один; он всё ещё говорил слишком быстро, когда волновался, зато помнил каждый регистрационный номер.

— Дома на Речной шли через возвратную комиссию, — сказал он. — Из одиннадцати владельцев девять вернулись. Двое умерли за стеклом. Но в новых документах все числятся умершими до возвращения.

— Кто заверял пересмотр?

— Судья Эрен Даль. Комиссия утверждала, что прежние решения окончательные, а вернувшимся предлагают компенсацию. — Том открыл ящик. — Но компенсации получили только четверо. Остальных записали как отказавшихся.

— Есть их подписи?

Он показал семь одинаково сложенных заявлений. Разные почерки, разные даты. На каждом печать адвоката Даля. Подписи выглядели настоящими, но текст мог быть прочитан людям иначе. После закона о ясном согласии такой договор не имел бы силы; три года назад закон ещё не действовал.

Я попросила Тома найти портреты всех одиннадцати. Он достал альбом. На третьей странице я увидела человека, которого вчера видела у архива перед входом: высокий, с белой полосой у подбородка. Под портретом стояло имя «Леон Халь». Дата смерти — два года назад, уже после возвращения. Вчера он был жив. Я была уверена лишь в том, что видела похожее лицо; после пыли собственная уверенность не заслуживала суда.

Том поднял другой лист.

— У Леона есть дочь. Она живёт в Доме помощи. Если он пришёл, мог искать её.

— В списке посетителей архива его нет.

— У него нет действующих документов. Формально он покойник. Как бы он расписался?

Мне захотелось попросить у жизни преступника, который оставляет простые отпечатки и имеет настоящее имя. Вместо этого я взяла копию портрета и пошла к судье Далю.

Глава 8. Судья закрытых дел

Даль принимал в кабинете с высокими окнами и низким потолком из-за тяжёлых балок. На столе стояли две чашки, хотя я пришла одна. Он был красивым пожилым человеком, чья вежливость не оставляла места случайным признаниям.

— Инспектор Ресс, — сказал он. — Вас отстранили.

— Я пришла как гражданка, которой интересно, почему живого человека объявили умершим.

— Вы не назвали имени.

— Леон Халь.

Даль перестал двигать перо. За его спиной часы отсчитывали секунды громче обычного.

— Леон погиб, — сказал он. — Есть свидетельство.

— Вы видели тело?

— Врач видел.

— Имя врача?

Он передвинул мне папку. В свидетельстве стояла подпись доктора Веры Айн. Я знала, что она умерла прошлой зимой. Спросить её о теле уже нельзя. Внизу было второе подтверждение — хранитель списка Герман Лют.

Я посмотрела на Даля. Он понимал связь без подсказки.

— Герман обнаружил ошибку и хотел её исправить? — спросила я.

— Не знаю, что хотел Герман. Он приходил ко мне неделю назад и просил материалы по одиннадцати домам. Я дал копии. Вчера он погиб. Это печально, но не доказывает, что я его убил.

— Вы сами это сказали.

— Люди наверняка уже говорят за моей спиной. Предпочитаю услышать обвинение вслух.

Я попросила показать оригинал свидетельства. Он достал из сейфа лист, но держал так, чтобы я не коснулась печати. Она была настоящей. Бумага старой. Подпись Германа — уверенной, без признака подделки. Значит, хранитель сам участвовал в объявлении Леона мёртвым. Может быть, теперь искал способ исправить свою работу, а может, имел другую причину бояться его появления.

Вторую чашку у Даля отпили до моего прихода. На блюде остался тёмно-синий след губной краски. Я спросила, кого он принимал. Он ответил, что секретаря. Секретарь в коридоре держала в руках пустую чашку без такого следа и смотрела на меня с искренним раздражением. Я записала ложь, не называя пока гостя.

Даль проводил меня до двери.

— Если вы найдёте Леона, не приводите его сюда без защиты. Люди, которым он должен был умереть, могут испугаться больше, чем вы думаете.

Это могло быть предупреждением или угрозой. Я спросила, кого он имел в виду. Он ответил: «Сначала найдите человека». В коридоре я почувствовала запах мокрой шерсти. На вешалке висел зелёный женский плащ. Через полчаса его не было. У Даля была гостья, которую он скрыл. Я знала одну женщину, постоянно носившую такой цвет, и заставила себя вспомнить, сколько людей в дождливом городе выбирают тёмно-зелёную ткань. Сотни. Доказательством был не цвет, а ложь о чашке.

Глава 9. Девочка из Дома помощи

Дочь Леона звали Марина. Ей было восемнадцать. Она встретила меня в столярной мастерской при Доме помощи, где чинила шкафчики для детей. На руках у неё были опилки и старые ожоги от клея. Услышав имя отца, она поставила рубанок.

— Он погиб два года назад, — сказала она.

— Вы видели его после возвращения из зеркала?

— Видела. Ещё полгода. Мы пытались жить вместе. Он не мог спать в комнате с отражающим окном. Я думала, он сердится на меня за то, что я выросла без него.

— Потом?

— Исчез. Валлия помогла мне найти свидетелей смерти. Я была семнадцатилетней и поверила взрослым.

Значит, Валлия участвовала в оформлении смерти. Вчерашний мужчина мог быть Леоном. Если Марина узнает его, она станет свидетельницей против людей, от которых зависел Дом помощи. Я не показала портрет сразу. Спросила, не видел ли кто-нибудь в приюте человека с белым шрамом у подбородка. Она побледнела.

— Вчера ночью он стоял у ворот. Я подумала, мне показалось. Он смотрел на окна, но не вошёл.

— Почему?

— Потому что если это он, я не знаю, как сказать, что уже похоронила его.

Марина достала из ящика маленькую деревянную птицу. Такие продавали на ярмарке после дела о зеркалах, подражая птице принцессы Мирабель. На крыле её отец выжиг букву «М». Подарил перед исчезновением. Она держала игрушку так, будто боялась потерять не память, а право на неё.

Я спросила о Валлии. Марина говорила с теплом: та помогла устроиться, не требовала благодарности, защищала жильцов от чиновников. Когда я сообщила, что фамилия Валлии стоит на сделке с Речным домом, Марина долго молчала.

— Если она подписала, значит, была причина, — сказала наконец.

— Возможно. Я ищу причину. И человека, которого убили в архиве.

Она попросила посмотреть лицо Германа. Я показала рисунок врача. Марина узнала его: он приезжал две недели назад и спорил с Валлией в кабинете. Слышала только фразу «ты обещала, что никто не исчезнет снова». После спора Герман вышел с папкой, а Валлия три часа не выходила к ужину.

На улице дождь кончился. Я стояла у ворот и смотрела на двойную насечку от колеса в высохшей грязи. Телега ходила вчера. В какую сторону? У правой канавы грязь раздавлена глубже, значит, возвращалась тяжелее, чем уезжала. Что могла привезти Валлия после архива? Пластины, документы, человека? Я сняла мерку следа.

На обратном пути увидела у моста мужчину с белой полосой на подбородке. Я окликнула «Леон», и он побежал. В половине квартала от меня его перехватила чья-то карета. Я видела только дверь без герба и руку в перчатке, открывшую её изнутри. Карета уехала к суду.

Если бы Леон был сообщником убийцы, ему не требовалось бы так бояться своего имени.

Глава 10. Человек, которому не верят бумаги

Ночью ко мне пришёл Леон сам. Стоял у дверей, промокший, без шапки, и не просил впустить. Я открыла шире. Он оглядел лестницу за моей спиной, вошёл и сразу попросил закрыть ставни.

— Марина видела меня? — спросил он.

— Видела у ворот. Ей нужна правда.

— Правда меня убьёт, — ответил он. — По документам уже убила однажды.

Я поставила перед ним кружку воды. Он пил долго, как человек, который целый день не решался зайти ни в один дом.

Леон рассказал, что два года назад нашёл в стене своего прежнего дома тайник с документами о первых сделках. Его предупредили: если он будет требовать жильё, Марину лишат места в приюте. Он ушёл, не попрощавшись. Смерть оформили быстро. С тех пор жил в пригороде под чужим именем, работал на пристани. Неделю назад Герман нашёл его и сказал, что пересмотрит список. Попросил принести старые расписки в архив.

— Вы приходили вчера? — спросила я.

— В девять. Герман сказал ждать снаружи до половины десятого. Когда я вернулся, у ворот стояла женщина в зелёном плаще. Я узнал её по голосу. Сказал, что не собираюсь снова исчезать. Она ответила: «Тогда умрёшь по-настоящему». Я побежал.

— Валлия?

— Да. Она была у судьи Даля сегодня, когда меня посадили в карету. Они хотели, чтобы я подписал отказ от дома и молчание о тайнике. Я отказался. Даль велел выпустить меня — сказал, что после нового закона без согласия бумаги бесполезны. Валлия посмотрела так, будто уже придумала другой способ.

Я спросила, что было в тайнике. Леон достал из-за пазухи сложенный лист с именами одиннадцати владельцев и приписками к каждому: «жив», «не вернулся», «наследник». Внизу стояли суммы, за которые дома продали Дому помощи. Суммы были настолько низкими, что даже благотворительность казалась маской. Но не все деньги исчезли: на обороте листа были расходы на детей, лекарства, жильё. Кто-то украл право собственности, чтобы купить настоящую помощь. Из-за этого вред не становился меньше.

— Герман знал? — спросила я.

— Узнал неделю назад. До этого сам заверял смерти. Ему сказали, что люди не вернулись. Он поверил, как верили многие, когда не хотели видеть ошибку.

Я уложила Леона в комнате за кухней. Он не доверял полиции. У меня не было оснований просить доверять. Утром собиралась привести Марину при Софье, чтобы встреча не превратилась в допрос. Но к рассвету Леон исчез через заднюю дверь, оставив лист. На столе была записка: «Не заставляйте её снова хоронить меня. Я принесу остальное сам». Я проверила замок: он ушёл добровольно. Всё равно хотелось выругаться.

Глава 11. Чёрное стекло и белая ложь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.